

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
—
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения
Новгородского Рюрикова Городища
и Новгородской областной археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

НОВГОРОД И ЛАДОГА В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

Алексей А. Гиппиус

Институт славяноведения РАН. Москва. Россия

NOVGOROD AND LADOGA IN THE «TALE OF BYGONE YEARS»

Alexey A. Gippius

Institute of Slavic Studies. Moscow. Russia

ABSTRACT: *The Russian Primary Chronicle (Povest' vremennykh let) in its variants and copies has retained two versions of the tradition about the coming of the Varangian princes to Rus. According to one, Rurik was first enthroned to principedom in Ladoga and only two years later, after the death of his brothers Sineus and Truvor, he came to Lake Ilmen and founded Novgorod. The other legend tells us that Novgorod was Rurik's residence from the beginning. This paper is an attempt to elucidate which of the versions, viz. that of Ladoga or of Novgorod, is the original one. In the most recent works the «Ladoga version» is claimed to be the primary one since it is attested by the majority of the manuscripts. The author, however, demonstrates that this widespread opinion is based on an oversimplified conception of the interrelations between the principal copies of the Povest'. That conception does not take into account the contaminated character of the text of the Radziwill Chronicle. The acknowledgement of the fact of that contamination speaks in favour of A. A. Shakhmatov's conclusion that the primary version for the Povest' was the «Novgorodian» one. The latter obviously goes back to the Kievan Base Compilation of the 1090's reflected in the First Novgorod Chronicle younger recension, whereas the «Ladoga version» first appeared in the so-called «third redaction» of the Povest' of 1118. Shakhmatov's hypothesis about the «third redaction» is accepted here with a few corrections enabling to define more precisely the circumstances under which the «Ladoga tradition» about Rurik was included into the Primary Chronicle.*

Как известно, Начальная летопись в дошедших до нас ее вариантах и списках сохранила два различных предания о приходе на Русь варяжских князей. Согласно одному, читаемому в большинстве списков Повести временных лет (Ипатьевском – И, Хлебниковском – Х, Радзивилловском – Р, Московско-Академическом – А; за исключением Лаврентьевского – Л и сгоревшего Троицкого – Тр), Рюрик сначала сел княжить в Ладоге и лишь спустя два года, после смерти Синеуса и Трувора, двинулся вверх по Волхову и, придя к Ильменю, основал Новгород. Согласно другому, в наиболее чистой форме представленному в списках младшего извода Новгородской первой летописи, резиденцией Рюрика с самого начала был Новгород. Вопрос, какой из двух вариантов – «ладожский» или «новгородский» – является первоначальным, дискутируется в русской исторической науке, начиная с В. Н. Татищева и по настоящее время. Одной из последних публикаций на эту тему является статья Д. А. Мачинского (Мачинский, 2002. С. 5–37), рассматривающая вопрос в контексте

проблемы «первой столицы Руси». По мнению автора, текстологические доказательства первоначальности «ладожской» версии столь же неоспоримы, как и археологические свидетельства большей древности Ладоги по сравнению с Новгородом. Соответственно, новгородский вариант рассказа о Рюрике рассматривается Д. А. Мачинским как тенденциозное сокращение полной и исторически достоверной ладожской версии. Указав на серьезную ошибку академического издания ПВЛ 1950 г., приписавшего чтение «Рюрик сѣде в Новѣгородѣ» спискам Тр и А (в действительности в первом, как и в Л, название города было пропущено, а во втором, как и в Р, называется Ладога) (ПВЛ, 1950. Ч. 1. С. 18. Ч. 2. С. 184. Примеч. 53. С. 244–245; ПВЛ, 1996. С. 13, 131. Примеч. 41. С. 404–405. – *Ред.*), Д. А. Мачинский резюмирует: «Все древние и авторитетные списки ПВЛ, сохранившие полный вариант «Сказания о призвании», единогласно свидетельствуют о приоритете Ладоги, двукратно упомянутой в качестве резиденции Рюрика. В двух списках (Л, Т) текст «Сказания»

* Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект: «Раннее древнерусское летописание в контексте европейской культурной традиции»).

сокращен и приближен к варианту новгородского летописания за счет неумелого изъятия двукратного упоминания Ладоги, но даже в них нет имени Новгорода, как первой резиденции Рюрика» (Мачинский, 2002. С. 15). Текстологическая первичность «ладожской» версии «Сказания» представляется Д. А. Мачинскому вытекающей из этих фактов с такой однозначностью, что предпочтение, отдаваемое в исторической литературе «новгородскому» варианту, исследователь может объяснить лишь предвзятостью официальной российской историографии («от Карамзина до Кучкина»), не желающей считаться с ролью Ладоги как древнейшей столицы Руси.

В ряды представителей этого официоза следовало бы записать и А. А. Шахматова, поскольку текстологическое обоснование первоначальности «новгородского» варианта «Сказания» принадлежит именно ему. Согласно А. А. Шахматову, этот вариант, восходящий к Начальному своду 1093–1095 гг., отраженному НПЛ, был унаследован от этого свода первой и второй редакциями ПВЛ, а в созданной в 1118 г. третьей редакции Новгород был заменен на Ладогу¹. Парадоксальным образом ни Начальный свод, ни третья редакция ПВЛ, ни даже имя А. А. Шахматова в статье Д. А. Мачинского не упоминаются. Отсутствуют в списке литературы и другие важнейшие работы по истории начального летописания: внимание автора ограничено в основном публикациями летописей и историческими исследованиями. Такое игнорирование собственно текстологической литературы предмета, по-видимому, неслучайно: соотношение вариантов кажется Д. А. Мачинскому столь очевидным, что обращаться к этой литературе вроде бы и незачем – надо лишь непредвзято смотреть на общедоступные данные, которые говорят сами за себя.

Впрочем, проявив больший историографический педантизм, Д. А. Мачинский лишь утвердился бы в своей точке зрения. Дело в том, что гипотеза А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ 1118 г. в настоящее время отвергается большинством авторов, специально занимающихся текстологией начального летописания. В известной работе 1967 г. Л. Мюллер, последовательно разобрав доводы А. А. Шахматова в пользу существования этой редакции, признал их несостоятельны-

ми и предложил значительно более простую схему соотношения основных списков ПВЛ, альтернативную «шахматовской», в которой дополнительное «звено» в виде третьей редакции, отсутствует (Müller, 1967. S. 171–186; Мюллер, 2000). Эта точка зрения была поддержана и развита О. В. Твороговым (Творогов, 1997. С. 203–209) и А. Тимберлейком (Timberlake, 2001. С. 219–238). Ее разделяют и авторы двух появившихся в последнее время реконструкций первоначального текста ПВЛ: А. С. Бугославский (труд которого, подготовленный в 1930-х гг. и долгое время считавшийся утраченным, теперь опубликован Ю. А. Артамоновым – Бугославский, 2006) и Д. Островский (Островский, 2003). Контрдоводов, которые бы защитили «третью редакцию» от этой критики, никем до сих пор приведено не было; таким образом, на сегодняшний день отказ от этой части шахматовского построения является последним словом текстологической науки, произнесенным к тому же на удивление консолидированно. Применительно к рассматриваемому сюжету этот новый консенсус выражается безапелляционной формулировкой Л. Мюллера: «текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений» (Мюллер, 2000. С. 174).

Цель настоящей работы состоит, однако, не в том, чтобы подкрепить мнение Д. А. Мачинского указанием на его полное соответствие выводам новейшей текстологии. Наша задача совершенно противоположна. Мы беремся утверждать, что сами эти выводы обладают лишь видимостью доказательности; что обвинительный приговор, вынесенный гипотезе А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ, ошибочен, а представление о первичности «ладожского» варианта рассказа о Рюрике является иллюзией, вызванной недооценкой реальной сложности рукописной истории ПВЛ. Правильное решение вопроса было, по нашему глубокому убеждению, предложено А. А. Шахматовым.

Сказанное не означает, что мы готовы полностью разделить гипотезу А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ. Как и другие построения ученого в области истории начального летописания, эта гипотеза не свободна от противоречий и нуждается в существенной корректировке. Однако исходные наблюдения, на которых она ба-

¹ Напомним, что согласно схеме Шахматова, в том виде, в каком она изложена им в книге «Повесть временных лет» (Шахматов, 1916; переизд. в: Шахматов, 2003), первая редакция ПВЛ, которой предшествовал киевский Начальный свод 1093–1095 гг., была составлена Нестором в 1111 г. и до нас не дошла. Вторая редакция, составленная Сильвестром в 1116 г., сохранилась в списках лаврентьевской группы (ЛТРА), но не в первоначальном виде, а со следами вторичного влияния со стороны третьей редакции. Эта последняя была составлена на основе второй редакции в 1118 г. и читается в списках ипатьевской группы (ИХ).

зируется, представляются, вопреки критике этой гипотезы, сохраняющими силу.

Полное обоснование нашей позиции содержится в находящейся в печати специальной работе о редакциях ПВЛ (Гиппиус, 2007). В настоящей статье я остановлюсь на тех звеньях аргументации Шахматова и его оппонентов, которые непосредственно связаны с проблемой «Ладога и Новгород». Начнем с главного: так ли действительно текстологически бесспорен ладожский вариант? Сколь бы внушительным не казалось присутствие его в четырех из шести полных списков ПВЛ, факт этот сам по себе ни о чем не говорит. Текстологическая реконструкция – не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь все зависит от генеалогии списков, их положения в стемме. В нашем случае попарное восхождение к общим протографам списков Л и Т, Р и А, И и Х позволяет уверенно абстрагироваться от существования шести списков и рассматривать соотношение трех протографических сводов: ЛТ, РА и ИХ; в первом из них название первоначальной резиденции Рюрика было опущено, тогда как в двух других в этом качестве присутствовал Ладога.

Дальнейшие выкладки Л. Мюллера, О. В. Творогова, А. С. Бугославского, Д. Островского и других авторов, действующих в рамках «строго текстологического» подхода, определяются опять же отнюдь не численным «перевесом» ладожского варианта, а тем общепризнанным фактом, что своды ЛТ и РА в свою очередь восходят к общему протографу ЛТРА, представлявшему собой Владимирский летописный свод второй половины или конца XII в. Что же касается свода ИХ, то он отражает независимую от ЛТРА ветвь летописания, восходящую к киевскому летописному своду, созданному в 1200 г. или около этого времени (см.: Лурье, 1985. С. 190–205).

Такое соотношение списков диктует прозрачную текстологическую логику, которой все названные авторы руководствуются в выборе первоначальных чтений. Согласно этой логике, то, что интересующее нас чтение засвидетельствовано в двух независимых ветвях традиции – Л(Т)РА и ИХ – является надежным показателем его первоначальности. Это означает, что в группе Л(Т)РА первоначальными признаются те чтения, которые находят поддержку в ИХ, а вторичными – те, которые такой поддержки не имеют. В частности, для разночтений вида $РА \neq Л(Т) = ИХ$ первоначальным признается чтение ЛТИХ, а для разночтений вида $Л(Т) \neq РА = ИХ$ – чтение РАИХ. Интересую-

щий нас случай принадлежит ко второй категории.

Эта текстологическая механика столь обескураживающе проста, что возникает вопрос: неужели она не была ясна А. А. Шахматову, которого новейшая критика текста ПВЛ, как школьника, отчитывает за незнание элементарных правил? Отвечаем: разумеется, была; но Шахматову также было ясно и другое: что во множестве случаев эти правила очевидным образом не работают, заставляя признавать первоначальными чтения, которые никак не могут быть признаны таковыми. Подавляющее большинство таких случаев составляют разночтения структуры $Л(Т) \neq РА = ИХ$, в которых чтение Л(Т), должностное быть вторичным, подтверждается между тем сопоставлением с использованными в ПВЛ источниками (Хроникой Георгия Амартола, Златоструем и др.), обнаруживается в НПЛ (генеалогически не связанной с Лаврентьевской летописью, о чем см. ниже) или же в силу других причин может быть признано первоначальным. Единственно возможное объяснение этому состоит в том, что мы имеем дело с явлением *контаминации*, связывающей РА с ИХ.

Именно так и понимал дело А. А. Шахматов, писавший о связи Радзивилловской летописи (РА) с Ипатьевской (ИХ): «Общие чтения обеих этих летописей настолько характерны и настолько резко отличают их от других летописей, что не остается сомнения в их общем источнике» (Шахматов, 1938. С. 62). Наличие таких чтений А. А. Шахматов объяснял использованием в Радзивилловской летописи, помимо владимирского источника типа Лаврентьевской, также южнорусского (переяславского) свода, содержавшего текст ПВЛ в редакции, близкой Ипатьевской летописи (Шахматов, 1938. С. 53–55; Шахматов, 1940. С. 15). С некоторыми оговорками, такое объяснение было принято и М. Д. Приселковым (Приселков, 1996. С. 133–134, 166), Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1950. Ч. 2. С. 245), и другими исследователями шахматовской школы.

Причину, из-за которой контаминированный характер текста ПВЛ в Радзивилловской летописи оказался проигнорирован новейшей текстологией, несложно понять. В схеме А. А. Шахматова контаминация, связывающая ИХ с РА, теряется среди множества подобных ей вторичных связей между списками; контаминированным, по Шахматову, текст ПВЛ является во всех ее списках – в одних в большей, в других в меньшей степени. Это, по существу, делает невозможной строго генеалогическую, основанную на стемме рукописей, рекон-

струкцию архетипического текста, сообщая реконструкции самого А. А. Шахматова известную эклектичность, за которую его неоднократно критиковали.

Реакцией на эту особенность шахматовского метода и стал «строго текстологический» подход к восстановлению первоначального текста ПВЛ, которого придерживаются в своих реконструкциях С. А. Бугославский (*Бугославский*, 1941. С. 7–37; *Бугославский*, 2006), Л. Мюллер (*Мюллер*, 2000) и Д. Островский (*Островский*, 2003). При довольно существенном расхождении между стеммами С. А. Бугославского и Л. Мюллера их объединяет исключение каких бы то ни было форм перекрестного взаимодействия между ветвями традиции; реконструкция Д. Островского признает наличие контаминации в Хлебниковском и, отчасти, Лаврентьевском списке, но не в Радзивилловской летописи.

Полное отрицание роли контаминации в становлении текста основных списков ПВЛ нужно признать такой же крайностью, как и преувеличение этой роли А. А. Шахматовым. Реальная картина соотношения списков была, вероятно, значительно более простой, чем ее представлял А. А. Шахматов, но далеко не столь элементарной, какой ее рисуют стеммы Л. Мюллера и С. А. Бугославского. В частности, если нет особых оснований предполагать контаминированный характер списков Л и И, то в РА он, на наш взгляд, не может вызывать сомнений.

Значение контаминации РА–ИХ для критики текста ПВЛ подробно обосновано в моей рецензии на реконструкцию Л. Мюллера (*Гиппиус*, 2002. Р. 63–126). В той же работе высказан ряд соображений о характере данной контаминации. Предварительные наблюдения показывают, что общие ошибки, пропуски и вторичные чтения РА/ИХ образуют в тексте ПВЛ более или менее компактные группы, причем в соответствующих текстах как правило отсутствуют общие ошибки списков Л(Т)РА. По-видимому, составитель РА, работая с двумя источниками – типа ИХ и типа ЛТ, периодически переключался с одного на другой. Отметим, что там, где он использовал источник «ипатьевского» типа, общие чтения ЛТ (а при отсутствии текста Т – индивидуальные чтения Л) являются текстологически равноправными с общими чтениями РА и ИХ. К числу таких «ипатьевских» фрагментов РА относится все лишенное дат

Введение ПВЛ и начало ее датированной части, включая и статью 6370 г.²

На гетерогенность текста ПВЛ в РА указал в своей рецензии на книгу Л. Мюллера и А. В. Назаренко (*Назаренко*, 2003. С. 128–139). Факт контаминации отмечает и Т. Вилкул в рецензии на издание Д. Островского (*Вилкул*, 2004. Р. 171–203). Наконец, отвечая на критику рецензентов, наличие контаминации в РА признал и Л. Мюллер, соответствующим образом скорректировав свою стемму (*Мюллер*, 2006. Р. 401–436). В результате, за последние несколько лет баланс мнений по данному вопросу решительно изменился.

Признание контаминированного характера текста ПВЛ в РА и высокая вероятность того, что в статье 6370 г. РА восходит к архетипу, общему для нее с ИХ, а не с ЛТ, лишает «ладожскую» версию какого бы то ни было текстологического приоритета. С собственно генеалогической точки зрения, оставаясь в рамках пяти основных списков ПВЛ, эту версию нужно признать абсолютно равноправной с версией ЛТ. Посмотрим теперь, что же представляет собой эта последняя.

В Лаврентьевской летописи, как известно, название города, в котором сначала садится княжить Рюрик, пропущено, здесь читается: «и придоша, старѣишии Рюрикъ, а другии Синеусъ...»; такой же пропуск имелся и в Троицкой летописи, где слова «сѣде Новѣгородѣ» были, согласно свидетельству Карамзина, вставлены позднее (*Приселков*, 2002. С. 58). Л. Мюллер полагает, что в протографе Л и Т было пропущено название Ладоги: «Не предполагаемый составитель гипотетической редакции 1118 г. изменил «Новгород» на «Ладога», но писец общего протографа рукописей Л и Т (t) пропустил упоминание Ладоги в летописной статье 862 г. Очевидно, ему казалось странным, что Рюрик сначала сидел в не имевшей в его (писца) время значения Ладоге; может быть, он хотел удостовериться и поэтому оставил в рукописи пропуск» (*Мюллер*, 2000. С. 174). С таким объяснением можно было бы согласиться, если бы все различие между версиями РАИХ и ЛТ заключалось в отсутствии в последней названия первой резиденции Рюрика. Между тем в ней отсутствует и упоминание об уходе Рюрика к Ильмену и основании им Новгорода, из чего следует, что здесь излагается не ладожский, а новгородский вариант сюжета – тот же, что и в НПЛ младшего извода.

² Первые надежные свидетельства переключения писца РА на копирование его владимирского источника, то есть первые бесспорные ошибки и искажения, общие для списков Л(Т)РА, обнаруживаются в статье 6400 (898) г. (см.: *Гиппиус*, 2002. С. 85–87, 121).

Теоретически, это сходство может объясняться: 1) использованием в НПЛ текста ПВЛ типа ЛТ; 2) независимым восхождением НПЛ и ЛТ к общему источнику; 3) вторичным влиянием НПЛ на ЛТ; 4) вторичным влиянием ЛТ на НПЛ. Из этих четырех вариантов объяснения первые два предпочтительны как более экономичные; иначе говоря, при наличии данных, свидетельствующих в пользу одного из этих двух вариантов, два других оказываются излишними.

В пользу первого варианта могло бы говорить наличие заведомо вторичных чтений, общих для НПЛ и ЛТ, однако таковые отсутствуют. Точно также нет и заведомо вторичных чтений, которые бы объединяли НПЛ с ИХ; по этой причине неприемлемой является позиция С. А. Бугославского (Бугославский, 1941. С. 33), относившего «новгородский извод» ПВЛ к ее «ипатьевской» ветви (см. критику этого положения в (Timberlake, 2001. С. 214–215; Гиппиус, 2002. С. 120). Между тем, имеется несколько случаев, в которых НПЛ сохраняет первоначальные чтения, одинаковым образом искаженные во всех полных списках ПВЛ, из чего следует, что Повесть использовала текст Начальной летописи, более древний, чем архетип этих списков (см.: Гиппиус, 2002. С. 71–72). Этот вывод, к которому приводит анализ соотношения текстов на уровне отдельных разночтений, идеально согласуется с фундаментальной гипотезой А. А. Шахматова, согласно которой в своей части до 6523 г. младший извод НПЛ отражает предшествовавший ПВЛ киевский Начальный свод 1090-х гг.

Независимость НПЛ от общего архетипа ИХ и ЛТ означает, что в случаях расхождения между ИХ и ЛТ первичным следует считать вариант, поддерживаемый НПЛ. В нашем случае таковым является новгородский вариант рассказа о Рюрике, общий для НПЛ и ЛТ. Выше мы констатировали, что контаминация в РА делает этот вариант текстологически равноправным с ладожским в рамках шести полных списков ПВЛ. Совпадение ЛТ с НПЛ дает все основания считать этот вариант первоначальным. Очевидно, как и предполагал А. А. Шахматов, новгородская версия была унаследована ПВЛ от Начального свода 1090-х годов (текст которого отражает НПЛ), тогда как ладожская представляет собой результат редактуры, произведенной в протографе «ипатьевской» группы и отраженной также и Радзивилловской летописью вследствие ее контаминированного характера.

О вторичности «ладожской» версии говорит и следующее обстоятельство, последовательно не замечаемое сторонниками ее первоначальности.

Версия эта находится в очевидном противоречии с общим для всех списков и потому бесспорно первоначальным указанием вводной части ПВЛ на основание города расселившимися в Приильменье словенами («Словѣни же сѣдоша ѡколо езера Илмерѡ [и] прозвашасѡ своимъ имѡнемъ и сѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ» (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 5). Однако с этим указанием хорошо согласуется «новгородский» вариант «Сказания о призвании варягов», в котором приглашенные князья приходят в уже существующий Новгород. Последнее обстоятельство кажется нелогичным Д. А. Мачинскому: «как будто Новгород уже существовал до того, как словене и прочие, изгнав варягов, стали «города ставить»? (Мачинский, 2002. С. 21). Но что поделать, если начальному летописцу дело представлялось именно так?

Но как же быть в таком случае с исторической достоверностью и убедительностью ладожской версии? Не противоречит ли ей утверждение о первичности новгородского варианта? Нисколько. Во-первых, степень этой исторической убедительности не стоит преувеличивать. Одно дело – бесспорное археологическое старшинство Ладоги, и совсем другое – хронология и последовательность прихода на Русь варяжских князей, какой она описывается в летописи. Двухлетний интервал, отделяющий в Ипатьевской летописи основание Новгорода от вокняжения в Ладоге, не следует понимать буквально – в лучшем случае он может рассматриваться как условная проекция в письменном нарративе исторической памяти о большей древности Ладоги по сравнению с Новгородом. Впрочем, даже приняв ладожский вариант за правду, видеть в исторической достоверности свидетельство текстологической первичности этого варианта нет оснований. Достоверность – не слишком надежное подспорье в определении относительной древности вариантов письменного предания об отдаленном прошлом. Наивно было бы думать, что редактирование Начальной летописи заключалось лишь в тенденциозном искажении изначально достоверных рассказов. Зачем отказывать древнему историку в способности уточнить на основе открывшихся ему новых источников картину прошлого, написанную его предшественниками? Многие, хотя, конечно, далеко не все дополнения и изменения, внесенные в текст Начального свода составителем ПВЛ, носят именно такой характер. Так, извлеченные им из княжеского архива тексты договоров с греками сообщили сведениям ПВЛ об отношениях Руси с Византией качественно новый уровень достоверности. Аналогичным образом, и факт первоначального пребывания

Рюрика в Ладоге, оставшийся неизвестным составителю Начального свода и его предшественникам, мог в начале XII в. сохраняться в местном предании, которое, по А. А. Шахматову (к чему мы еще вернемся), и было использовано составителем «третьей редакции» ПВЛ. Представляется, что совершенно прав М. Б. Свердлов (*Свердлов*, 2000. С. 23–27), видящий в новгородской и ладожской версиях сюжета отражение сосуществовавших на Руси в XI–начале XII в. разных форм памяти о Рюрике: обобщенной, отливающейся в фольклорных стереотипах, и более конкретной и исторически достоверной, опирающейся на местную традицию.

Альтернативу этому взгляду составляет точка зрения Л. Мюллера, видящего в двух конкурирующих вариантах рассказа о Рюрике отражение исторического соперничества Ладоги и Новгорода: коль скоро верх в нем одерживает Новгород, новгородский вариант должен был, по мысли исследователя, прийти на смену ладожскому, а не наоборот. Сходным образом рассуждает и Д. А. Мачинский, рассматривающий новгородскую версию как плод тенденциозного сокращения, произведенного новгородским летописцем (предтечей «Карамзина и Кучкина») из нежелания признавать Ладогу в качестве «первой столицы». Однако, к середине 1110-х гг., когда, самое раннее, могла бы быть произведена предполагаемая редакция, не было уже никакого резона возвышать Новгород за счет умаления исторических судеб его северного пригорода: историческая конкуренция (если она, как таковая, вообще когда-либо имела место) давно уже отошла в прошлое. В новгородском летописании XII–XIII вв. не видно и тени ревности в отношении Ладоги, всегда упоминаемой как надежный форпост Новгорода на самом опасном северном направлении.

Между тем, замена первоначального новгородского варианта на ладожский находит в рамках шахматовской гипотезы о «третьей редакции» ПВЛ логичное и исторически конкретное объяснение. С ладожской версией рассказа о Рюрике А. А. Шахматов сопоставлял два пассажа в статьях 6604 (1096) и 6622 (1114) гг., в которых летописец, говоря от первого лица, сообщает о чудесных явлениях, наблюдавшихся в северных землях, и сопровождает свидетельства очевидцев собственным комментарием, основанным на литературных источниках: «Откровении Мефодия Патарского» в первом случае и Хронографе во втором. В статье 6604 г. упоминается разговор с новгородцем Гюрятой Роговичем, состоявшийся «преже сихъ 4-ми лѣты», то есть, очевидно, за четыре года до

момента работы летописца. В статье 6622 г. летописец, в связи со строительством в этом году крепости в Ладоге, упоминает о своей поездке в Ладогу и пересказывает слышанные им от ладожан удивительные истории. Согласно А. А. Шахматову, сведения о пребывании Рюрика в Ладоге были получены летописцем в ходе той же поездки и вместе с другими рассказами вошли в составленную четыре года спустя, в 1118 г., «третью редакцию» ПВЛ.

Вопреки критике, которой это изящное построение было подвергнуто Л. Мюллером (*Müller*, 1967. S. 171–186), оно, как я демонстрирую в одной из своих работ (*Гиппиус*, 2007), в целом удовлетворительно объясняет соотношение текстов. Признание факта контаминации в РА, по существу, лишает критику шахматовской гипотезы о «третьей редакции» ПВЛ ее главного довода; с другой стороны принятие одного из аргументов, выдвинутых против «третьей редакции» Л. Мюллером, позволяет, модифицировав эту гипотезу, существенно ее укрепить.

Реконструируя «третью редакцию» ПВЛ, А. А. Шахматов исходил из того, что первая и вторая редакция заканчивались статьей 6618 г., в которой обрывается текст ПВЛ в летописях лаврентьевской группы. Соответственно, отсутствующее в списках ЛРА продолжение этой статьи и весь текст летописных статей 6619–6625 гг. А. А. Шахматов считал появившимися в «третьей редакции», отраженной Ипатьевской летописью. Между тем, как справедливо заметил Л. Мюллер, «не только возможно, но и в высшей степени вероятно, что редакция Сильвестра, не останавливаясь на внезапном конце списков Л, Р, А, была продолжена вплоть до 1115 г. или 1116 г.» (по-скольку «не очень вероятно, чтобы летописец оборвал изложение пятью годами ранее момента завершения своего труда») (*Мюллер*, 2000. С. 166).

Адаптируя шахматовскую гипотезу к этому весьма вероятному допущению, нужно предположить, что ладожские фрагменты статьи 6622 г. были дополнениями к первоначальному тексту статьи, то есть имеют ту же природу, что и дополнительные по отношению к лаврентьевскому тексту ПВЛ сообщения Ипатьевской летописи за вторую половину XI–начало XII в., относимые А. А. Шахматовым к «третьей редакции» (перечень этих дополнений см. (*Шахматов*, 2003. С. 552)). В таком случае характер соотношения сильвестровского текста и «постсильвестровской» редакции оказывается однородным на протяжении всей заключительной части ПВЛ. Анализ текста ПВЛ на данном отрезке подтверждает это предпо-

ложение. Особенно показателен в этом плане следующий пассаж статьи 6621 г.:

«В се же лѣто поя Володимеръ за с(ы)на своего Романа Володаревну м(ѣ)с(я)ца сѣмьтѣбря въ 1 на десять день. В се же лѣто Мьстиславъ заложитъ ц(е)рк(о)вь камяну с(вя)т(о)го Николы на княжѣ дворѣ оу торговища Новѣгородѣ. Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка в Переяславлѣ» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 276).

Отсутствие подлежащего во фразе «Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка Переяславлѣ» заставляет понимать текст таким образом, что это Мстислав (о котором речь в предыдущей фразе) направил своего сына (!) Ярополка в Переяславль, хотя сделал это, естественно, Владимир Мономах. Этот сбой можно объяснить лишь тем, что известие о Мстиславе представляет собой вставку в первоначальный текст статьи, сообщавшей только о действиях Владимира: в таком случае отсутствие подлежащего во втором известии было естественным. Поскольку, однако, по тематике и структуре вставленное известие аналогично сообщениям о строительных акциях Мстислава в статье 6622 г. («В се же лѣто Мьстиславъ заложитъ Новѣгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога каменнемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при княжѣ Мьстиславѣ» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 277), редакторским дополнением необходимо признать и эти последние, а следовательно, и примыкающий к записи о строительстве ладожской крепости рассказ о поездке летописца в Ладогу.

Таким образом, и «ладожская» версия рассказа о Рюрике, и «ладожские» фрагменты статьи

6622 г. независимым образом обнаруживают свою непервоначальность в составе ПВЛ, что делает более чем вероятным принадлежность их к одному текстовому пласту. Этот пласт, к которому относятся и дополнительные сообщения Ипатьевской летописи за 6584–6618 гг., есть все основания отождествлять с шахматовской «третьей редакцией» ПВЛ. Предлагаемая в нашей работе (Гиппиус, 2007) трактовка этой редакции в ряде моментов расходится с шахматовской: в частности, я считаю данную редакцию второй, а не третьей, и датирую ее 1117, а не 1118 г.; однако само существование «постсилвестровской» редакции, отразившейся преимущественно в Ипатьевской летописи³, вряд ли может быть поставлено под сомнение. Подтверждается и предположение А. А. Шахматова о создании этой редакции в окружении Мстислава Владимировича: с характером вставок в статьях 6623 и 6624 гг., связанных с Мстиславом, как нельзя лучше согласуется тот факт, что ряд ипатьевских «дополнений» за вторую половину XI в. открывается сообщением о рождении старшего сына Мономаха (под 6584 г.).

Не менее важным для понимания социокультурного контекста «ладожской» версии рассказа о Рюрике является указание составителем редакции 1117 г. имен его непосредственных информантов: новгородца Гюряты Роговича (в статье 6604 г.) и ладожского посадника Павла (под 6622 г.: «сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскѣи и вси Ладожане» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 277). Согласно гипотезе А. А. Молчанова (Молчанов, 1999. С. 80–84), дополнительно аргументированной в работах (Гиппиус, 2001б. С. 59–65; Гиппиус, 2006а.

³ К редакции 1117 г. я, вслед за А. А. Шахматовым, возвожу и отдельные фрагменты, общие для ипатьевской и лаврентьевской групп, в первую очередь – изложение разговора с Гюрятой Роговичем под 1096 г. и продолжающий его подробный рассказ о борьбе Олега Святославича с Изяславом и Мстиславом Владимировичами. Проникновение этих текстов в летописи лаврентьевской группы, которое А. А. Шахматов относил к XIV в., я объясняю результатом взаимодействия древних экземпляров ПВЛ, имевшего место сразу после появления редакции 1117 г. Согласно нашей реконструкции, после того, как на основе рукописи Сильвестра 1116 г. был, по заказу Мстислава Владимировича, составлен новый, отредактированный «княжеский» экземпляр ПВЛ, некоторые наиболее значительные из его добавлений, сконцентрированные в заключительной части летописи, были, путем замены и вставки листов и тетрадей, перенесены в рукопись Сильвестра.

С этим «обновлением» кодекса Сильвестра следует, на мой взгляд, связывать и уже упоминавшийся пропуск названия первой резиденции Рюрика в Лаврентьевской и Троицкой летописях. Поскольку РА в данном рассказе следует за своим «ипатьевским» источником, этот пропуск ничто не мешает возводить к общему протографу ЛТРА, владимирскому летописному своду второй половины XII в., а через него – к рукописи Сильвестра. «Обновляя» на основе редакции 1117 г. свой кодекс, выдубицкий игумен мог пожелать внести исправление и в рассказ о Рюрике. Однако, начав это делать и уже стерев название Новгорода, он должен был заметить, что простой заменой одного названия на другое задача не решалась: новая версия существенно расходилась как с прежним рассказом, так и с дальнейшим изложением. Сильвестр мог заметить и то, что следовавшее далее в «княжеском» экземпляре сообщение об основании Рюриком Новгорода вступало в противоречие со свидетельством об основании Новгорода словами. Поэтому он просто бросил начатую правку, оставив в рукописи пробел.

Настаивать на такой реконструкции, конечно, затруднительно ввиду невозможности ее верифицировать. Однако заметим, что альтернативное объяснение данного пропуска, исходящее из первичности «ладожского» варианта, выглядит куда менее правдоподобным. Если допустить, подобно Д. А. Мачинскому, что составитель протографа ЛТ правил свой оригинал, ориентируясь на новгородскую традицию, остается совершенно непонятным, что же помешало ему реализовать свой тенденциозный замысел до конца, назвав «первой столицей» не Ладогу, а Новгород?

Р. 93–109), Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в., был потомком знатного скандинава Регнвальда Ульвсона, родственника жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшего вместе с нею в Русь и получившего в «ярлство» Ладогу. По правдоподобию предположению А. Е. Мусина (Мусин, 2002б. С. 82–92), потомки Регнвальда по традиции сохраняли за собой ладожское посадничество по крайней мере до середины XIII в., что делает вероятной принадлежность к вышеназванному роду и посадника Павла. Возвышению этого клана в княжение Мстислава Владимировича способствовал брак последнего с шведской принцессой Кристиной, которая, как показал Ф. Б. Успенский, принадлежала к числу скандинавских потомков того же

Регнвальда Ульвсона (Успенский, 2004а. С. 187–189; Литвина и Успенский, 2006. С. 355–367). Ввиду этих родственных связей Гюрята, Павел и их сородичи не могли не быть носителями элитарного кланового самосознания, в котором историческая связь с Ладогой должна была играть основополагающую роль. Сохранение (или появление?) именно в этой среде предания о ладожском княжении Рюрика выглядит поэтому глубоко закономерным: вполне возможно, что сведения, полученные летописцем в Ладоге, все же несли в себе определенную тенденцию, отражая не столько аутентичную местную традицию, сколько клановые исторические амбиции «ладожан» как генеалогически обособленной части новгородского (в широком смысле) боярства.